

«На спешно сооруженный помост взгромоздили большой чурбан для рубки мяса. Иоанна вывели из дворцовой тюрьмы на площадь и поставили на помосте лицом к халифу. Рядом уже стоял палач с остро отточенной секирой в руках. <...> Он перетянул жгутом руку Иоанна выше локтя и положил ее на чурбан, ладонью вверх.

<...> Секира молнией сверкнула на солнце, народ гулко охнул, и Иоанн, еще ничего не почувствовавший, с ужасом увидел, как палач взял кисть его руки и высоко поднял, показывая халифу и народу. <...> Иоанн встал с колен, у него закружилась голова, и он рухнул с помоста вниз. <...>

Иоанн очнулся в своей постели. <...> Рядом с постелью сидел архиепископ Дамаска и с глубокой скорбью и сочувствием смотрел на Иоанна. <...>

– Преосвященный владыка, я умоляю тебя, иди к халифу и упроси его отдать мне отрубленную руку. <...>»

Архиерей ушел к халифу и вскоре вернулся со свертком. Иоанн сразу же встал с постели и на коленях с благодарностью принял из рук архиепископа свою отрубленную руку. Когда ушел архиерей, Иоанн начал срывать со своей усеченной руки повязки. Уже было подсохшая кровь вновь хлынула из его руки. Он приставил в кровотокающей руке кисть отрубленной ладони и стал крепко обматывать составленную таким образом руку большим белым полотенцем. Вскоре через полотенец стали проступать пятна крови. Иоанна стало лихорадить. Он упал на колени перед иконой Божией Матери и взмолился:

– Владычица Пресвятая Мать, родившая Бога Моего, вот правая моя рука, отсеченная ради Божественных икон, – при этих словах Иоанн с трогательной доверчивостью протянул руку в окровавленной повязке к иконе Богородицы, заливаясь слезами. – Ты знаешь, Владычица, что привело Льва во гнев; поспеши же на помощь и исцели руку мою. <...>

Было уже далеко за полночь, а Иоанн все молился и молился. Повязка на его руке

отяжелела от крови и слез, проливаемых на нее, а он, поддерживая ее левой рукой, все протягивал к иконе в великой вере и твердой надежде на чудо. Наконец утомление стало брать верх, молитва его становилась все тише и тише. <...> Так на коленях и заснул Иоанн, всхлипывая и вздрагивая во сне. Во сне он увидел, что Пресвятая Богоматерь ожила и смотрит на него с иконы светлыми и полными любви милосердными очами. «Пресвятая Владычица, Ты меня услышала?» – обрадованно воскликнул Иоанн.

«Я слышу всех моих чад, призывающих имя Мое с верой в Сына Моего. Рука твоя теперь здорова, не скорби об остальном, но усердно трудись ею, как обещал Мне; сделай ее тростью скорописца.» Иоанн проснулся. С иконы на него с материнской любовью продолжали взирать очи Пресвятой Богородицы. Чувство какого-то неизъяснимого блаженства охватило всю душу Иоанна. <...> Он стал осторожно разматывать полотенце. Сердце его отчаянно билось. Вот он видит отрубленную кисть руки. Она накрепко прилипла к его руке и удерживается без всякой повязки. «Неужели действительно чудо, и рука срослась?» – промелькнула у Иоанна радостная мысль. Такая радостная, что он в нее боялся поверить. Иоанн стал внимательно оглядывать руку.

Рука сильно опухла, а на месте соединения с кистью запеклось много крови и ничего не было видно. <...> Иоанн стал осторожно почесывать ее своей левой рукой. Часть запекшейся крови отпала, и под ней Иоанн увидел набухший ярко-красный шов. Этот шов проходил в том месте, где была отсечена рука. Иоанн попробовал пошевелить указательным пальцем. Острая боль пронзила его, но указательный палец дрогнул. Иоанн радостно вскрикнул и воздел руки к небу.

– Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, за чудо, которое Ты совершил по молитвам Пресвятой Девы Богородицы.

<...> Иоанна посетило такое вдохновение, что у него сама собой сложилась новая песнь в честь Богородицы:

*«О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь,
Ангельский собор и человеческий род,
Освященный Храм и Раю Словесный,
Девственная похвало. Из Неяже Бог воплотился
И Младенец бысть, прежде век Сый Бог наш.
Ложесна бо Твоя Престол сотвори.
И чрево Твое пространнее небес содела.
О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, слава Тебе!»*

– Теперь, Пресвятая Богородица, – воскликнул, обращаясь к иконе, Иоанн, – я буду по слову Твоему тростью скорописца и воспою в песнях и стихах Сына Твоего и Господина нашего Иисуса Христа, воспою Твое предстательство за род человеческий, о Пресвятая Дева!»

(Фрагмент романа протоиерея Николая Агафонова «Иоанн Дамаскин»)

В первой трети VIII века византийский император Лев III Исавр запретил почитание икон. Огромное количество икон и фресок было уничтожено. Иоанн Мансур (или, как мы знаем его – Дамаскин), в те времена занимавший высокий пост в городе Дамаск при дворе халифа Хишамы, открыто обличал ересь иконоборчества. Своими письмами в защиту иконопочитания он вызвал гнев императора Льва. Не будучи в силах наказать Иоанна прямо, из-за того что тот был подданным чужого государства, император был вынужден прибегнуть к интригам. По его распоряжению было искусно подделано письмо обращенное к нему, императору. В этом письме Иоанн якобы коварно злоумышлял против халифа, предлагая Византии помощь в захвате Дамаска. Притворившись возмущенным столь низким предательством, и разыгрывая добрососедское расположение, император переслал халифу Хишаме фальшивку. Приняв лукавство императора за чистую монету, халиф в приступе гнева не хотел слышать никаких оправданий, хотя и сам Иоанн, и его отец были верными слугами халифата и никогда не давали никаких оснований для недоверия. В результате всего этого произошла изложенная выше драматическая история.

Хотя и с определенной долей художественного вымысла, этот текст верно передает нам известные из церковного предания сведения, которые знакомы многим православным христианам в связи с историей иконы Божией Матери «Троеручица».

Это редчайший случай, когда через толщу веков мы можем различить не просто общую историческую канву написания богослужебного текста, а яркие и выразительные подробности как бы переносящие каждого из нас на место автора вдохновенных слов. Эти детали помогают нам со всей силой пережить и прочувствовать то, что пережил и прочувствовал Иоанн Дамаскин в ошеломляющий момент невероятно близкой личной встречи с Божественным. Такая уникальная ситуация роднит текст молитвы «О Тебе радуется» с библейскими песнями от «Поим Господеви» Моисея и Мариам ([Исх 15, 1-19](#)) и «Утвердися сердце мое в Господе» Анны, матери Самуила, ([1Цар 2, 1-11](#)) до «Величит душа моя Господа» Пресвятой Богородицы ([Лк 1, 46-55](#)) и «Ныне отпускаеши» старца Симеона (Лк 2, 29-32). В словах совершенно разных людей, живших в абсолютно разные времена, кристаллизуется одно и то же – торжество и радость предстояния Живому Богу, исповедание Величества Его.

Вот почему, услышав на Литургии в великопостное воскресение пение «О Тебе радуется», мы явственно ощущаем это общее ликующее предстояние «всей твари», т.е. всего, что сотворено Всевышним: звенит капель, журчат ручейки, щебечут птицы, шумит ветерок, в окна стучат капли дождя. Непостижимым образом наполняется звуками даже то, что звучать не может: солнечный свет, первые цветы, робко пробивающаяся сквозь тающий снег трава. Когда мы писали эти строки, то услышали первое в этом году «турканье» горлицы на крыше.

Во всех библейских песнях торжество и ликование направлено на Бога, творение прославляет Творца: «*Небеса поведают славу Божию*, творение же руку Его возвещает твердь» (Пс.18; 2). Это естественно и понятно. А в молитве «О Тебе радуется» творение Божие с таким же восторженным трепетом воспевает Богородицу, что на первый взгляд может показаться странным.

В нашем обществе много людей, которые являются абстрактными теистами. В их

представлении есть некая довольно неопределенная трансцендентная Сущность, называемая Богом. Некоторые из теистов даже согласны, что Ему можно поклоняться, возвеличивать, прославлять. Но вот что касается кого-то другого... Иногда слышишь: «А что особенного в Деве Марии? Ну, родила она Христа, но ведь она такая, как все?..» – подобные вопросы многие несут с собой в Церковь, сживаются с ними, так и не найдя на них приемлемых для себя ответов. В конце концов они становятся чем-то привычным и переходят в разряд кажущегося смирения: «Так у нас принято», хотя в глубине души не перестают нести болезненную остроту. Не менее опасно противоположное отношение, когда Богородица становится как бы самостоятельным божеством, а Ее многочисленные иконы – пантеоном самодостаточных идолов. Если мы считаем себя православными христианами, очень важно найти «царский путь» и не уклоняться в крайности. Суть его хорошо сформулировал о. Георгий Чистяков в книге «Над строками Нового Завета»: «почитание Матери Божией <...> связано с нашей верой в Бога и верой во Христа, пришедшего в этот мир. Но не просто связано – оно не может быть никаким образом оторвано от нашей веры во Христа, оно неотделимо от этой веры. <...> Ни в коем случае нельзя противопоставлять наше поклонение Христу и почитание Матери Божией.»

Задача поиска догматического «царского пути» для христиан упростилась с тех пор как в Церкви просиял святой Иоанн Дамаскин. О его замечательном поэтическом таланте свидетельствует то, что соборный разум Церкви избрал как для повседневных, так и для самых важных и торжественных Богослужений многие из его произведений. Мы редко вспоминаем, что слова, которые трогают наши сердца за каждым Богослужением, принадлежат перу этого замечательного святого. Но еще реже мы задумываемся о том, что за в высшей степени лиричным и художественным изложением стоит безукоризненное богословие. «Этот великий подвижник веры при изложении святых догматов проникает своим облагодатствованным умом в святилище Божественного Откровения, изъясняя каждый догмат Священным Писанием и озаряя его светом святого апостольского соборного Предания Вселенской Церкви. Как Богом посланная пчела, он собрал Божественный мед догматических истин <...> разместил его в сотах своей догматической системы, чтобы вечно насыщать им души.» – пишет преподобный Иустин Попович в своей «Догматике Православной Церкви». – «Благодаря такой кропотливой работе святой Иоанн Дамаскин навсегда остался самым лучшим и самым надежным проводником каждого православного догматиста по несказанным тайнам святых догматических истин Православной Церкви.»

Молитва «О Тебе радуется» является прекрасным примером соединения поэзии с богословием в творчестве преподобного Иоанна. Она как бы объясняет саму себя. С первого взгляда бросается в глаза то, что в тексте использованы разные риторические фигуры. Молитва обрамлена фразой «**О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь**»,

которая служит своего рода рефреном. Однако ее предназначение в обоих случаях различно. В начале она вводит нас в повествование; глубинный же смысл остается до времени скрытым. Из-за того, что развитие сюжета прерывается славословием Богородицы, объяснение причин радости происходит во второй части молитвы. Таким образом богословское объяснение текста начинается со слов «

Из Неяже Бог воплотися

». Итак:

Из Неяже Бог воплотися

И Младенец бысть, прежде век Сый Бог наш.

Ложесна бо Твоя Престол сотвори.

И чрево Твое пространнее небес содела.

Бог воплотился! Давайте задумаемся в это словосочетание, как предлагает нам святой поэт: Младенцем стал Бог, Который Существовал еще до начала времен, Который Сам сотворил время, Который существовал и существует не просто всегда, а в НАДвсегда, дольше, чем всегда – хотя такие слова и кажутся нам не имеющими смысла. Вдруг Безначальный Бог получает начало в мире, который Он Сам создал. Он рождается подобно одному из Своих творений. Но рождается не Сам по Себе, а из одного из Своих творений, из девушки, которая действительно во многих отношениях была такая же как все.

Сам Иоанн Дамаскин в своем «Точном изложении Православной веры» (III, 12) разъясняет это так: «Святую Деву мы прославляем как Богородицу в собственном и истинном смысле. Ибо как Родившийся от Нее — истинный Бог, так и Родившая истинного Бога, от Нее воплотившегося, — истинная Богородица. Мы говорим, что Бог родился от Нее не в том смысле, что Божество Слова от Нее получило начало, но в том, что Само Божие Слово, прежде веков, вне времени от Отца рожденное, безначально и вечно со Отцем и Духом пребывающее, *в последок дний* (Евр 1, 2) для нашего спасения вселилось в утробу Святой Девы и от Нее без изменения воплотилось и родилось. Ибо Святая Дева родила не простого человека, но Бога истинного, — не просто Бога, но Бога воплощенного, не с неба принесшего тело и прошедшего через Нее, как бы через канал, но воспринявшего от Нее единую с нами плоть и принявшего ее [плоть] в Свою собственную Ипостась.»

Эта последняя мысль очень хорошо раскрыта у о. Георгия Чистякова: «В языческих

мифологиях боги иногда спускались с Олимпа или с каких-то иных высот, где они пребывали, в дольний мир, для того чтобы побыть среди людей. Но языческие боги спускались в мир каким-то своим, особым образом, как бы присутствуя и одновременно не присутствуя в нём. А через Марию Христос родился, как рождается всякий человек. Благодаря Марии Христос стал таким, как мы все. От Марии Господь получил Свою плоть, от Марии Господь получил Свою кровь, то Тело и ту Кровь, которые Он потом нам отдал на Тайной Вечере.»

Не случайно в самом важном месте Литургии Василия Великого *(по этому чину литургия совершается всего десять раз в году, пять из которых приходятся на пять первых воскресений Великого Поста)*

– евхаристическом каноне – Богородица воспоминается не только возгласом в конце:
«Изрядно

(т. е. в особенности)

о Пресвятей, Пречистой, Преподобней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии»

(после него в воскресные великопостные дни как раз и поется «О Тебе радуется»)

. Слова о ней есть и в самом сердце евхаристических молитв: «Благоволи Единородный Твой Сын, сущий в недрах Тебе, Бога и Отца, быв от жены, Святыя Богородицы и Приснодевы Марии, быв под Законом, осудити грех во плоти Своей, да во Адаме умирающе оживотворятся в Самем Христе Твоем.»

С одной стороны нам становится ясно, что после Рождества Пресвятая Дева Мария уже точно не может быть такой как все. С другой стороны, если мы по-настоящему ощутили, какая невероятная пропасть разделяет Творца и творение, мы начинаем недоумевать, как вообще возможно, чтобы Невместимый Бог сотворил Свой Престол в ложеснах (т.е. в материнской утробе) женщины. От таких недоумений нас предостерегает святитель Иоанн Златоуст («Беседы на Евангелие от Матфея» IV, 3):

«Ничего больше не знаю <...> а знаю только, что событие совершилось силою Духа Святого. Пусть стыдятся те, кто старается постигнуть сверхъестественное рождение! Если никто не может изъяснить того рождения, о котором есть тысячи свидетелей, которое за столько веков предвозвещено, которое было видимо и освящено, то до какой степени безумны те, которые с любопытством исследывают и тщательно стараются постигнуть рождение неизреченное? Ни Гавриил, ни Матфей не могли ничего более сказать, кроме того, что родившееся есть от Духа; но как и каким образом родилось от Духа, этого никто из них не объяснил, потому что было невозможно. <...> Мы еще многого не знаем, например: как Невместимый вмещается в утробе? Как Всесодержащий носится во чреве жены? Как Дева рождает, и остается Девой? Скажи мне, как Дух устроил этот храм? <...> Итак, и ты не разыскивай, но верь тому, что открыто, и не

старайся постигнуть того, что умолчано.» Преподобный Иустин Попович добавляет: «Неизреченные тайны Трблаженного Божества внедрились в удивительном Лице Святой Богоматери и стали Ее тайнами. Православный чувствует и знает, что эти святые тайны не могут быть постигнуты никаким умом: ни ангельским, ни человеческим; посему растроганная молитвой душа воспеваает: **Вся паче** (т. е. за пределами) **смысла, вся преславная Твоя, Богородице, таинства, чистоте запечатанной и девству храниму, Мати позналася еси неложна, Бога рождши Истиннаго; Того моли спастися душам нашим.**

(Воскре

сный богородичен 2-го гласа, автором которого тоже скорее всего является преподобный Иоанн Дамаскин – прим. Ю. и Е. П.)

».

Таким образом, мы видим, что в 4-х строках приведенной выше молитвы заключен смысл, который находится за пределами нашего разумного понимания. Этот образ не вписывается в логику нашей повседневной жизни. Остается только одно: поверить или не поверить. И как вывод, своего рода резюме этих слов выступает повтор: **«О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь**

». Но нам все еще может быть непонятно, какая связь между непостижимым Богорождением и тем, что мы все радуемся о Богородице. На помощь опять приходят богословы. «Само Слово сделалось плотию, будучи носимо во утробе Девкою, (исшел же из Нее) Бог вместе с воспринятым естеством человеческим, так как и оно было обожествлено Словом, одновременно с приведением его в бытие, так что одновременно совершились три события: восприятие, бытие, обожение человечества Словом. И таким образом Святая Дева мыслится и называется Богородицею не только ради (Божеского) естества Слова, но и по причине обожествления человеческой природы,» – пишет Иоанн Дамаскин.

В учении святителя Григория Паламы, память которого мы совершаем в это воскресение, отчетливо выражена именно эта мысль – мысль *об обожении человеческой природы посредством Божественной благодати.*

Примечательно, что слова «благодать» и «обожение» у святого Григория обычно сопутствуют друг другу. Протоиерей Георгий Флоровский в своем труде «Святой Григорий Палама и Традиция Отцов» отмечает, что слово «об

о

жение» для современного уха «звучит странно и претенциозно. Да, это смелое слово.

<...>

Обожение означает личную встречу.

(выделение прот. Г.Ф.)

Это общение человека с Богом, при котором Божественное присутствие как бы пронизывает всю полноту человеческого существования. <...> Спасение — не только

прощение. Это подлинное обновление человека.» Но, по апостольским словам, «мы соработники у Бога» (1Кор 3, 9), «вера, если не имеет дел, мертва сама по себе <...> я покажу тебе веру мою из дел моих» (Иак 2, 17-18). Поэтому подлинное обожение, обновление невозможно без постоянного соработничества действию Божией благодати, а прежде того –желания и решимости принять ее.

И «пронизывание Божественным присутствием», и смиренная готовность ко всему вплоть до мучений и смерти, и смиренномудрое сотрудничество в течение церковной истории многообразно проявились в бесчисленном сонме святых. Но никто из них, конечно, не мог даже приблизиться к тем же качествам Пречистой Девы, Которая соединилась с Богом так тесно, как это вообще возможно для человека, навсегда став идеалом, недостижимым не только для людей, но даже для ангелов, о чем словами преподобного Космы Маиумского ежедневно напоминает нам Богослужение: «**Чеснейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова родшую сущую Богородицу Тя величаем**».

Интересно, что, по словам отца Георгия Чистякова, смиренномудрие Девы Марии видно даже не из одного слова, а буквально всего лишь из пары букв известного евангельского отрывка о Благовещении: «В ответ на слова архангела Мария восклицает: «Да будет Мне по слову твоему» (Лк 1: 38). Очень обидно, что это «да будет» совершенно не передано ни в одном переводе. Дело в том, что в греческом языке кроме изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений есть ещё *optativus* – желательное наклонение, которого нет ни в латинском, ни в славянском, ни в английском, ни во французском, ни в каком-либо другом из более или менее употребляемых языков В греческом тексте Евангелия от Луки Мария восклицает Своё «Да будет Мне по слову твоему» именно в желательном наклонении. Она говорит не просто «Да будет», а «Да будет, как Я того радостно желаю» –

Υ
Ἐ
voit
Ὅ

(генойто)

. Какие-то две буковки, один дифтонг – суффикс

-ой

– абсолютно изменяют значение всего текста: не просто согласие, но согласие, исполненное радости и желания. «Да будет Мне, как Я радостно того желаю, по слову твоему». То есть уже здесь, в самом начале Евангелия от Луки, Мария делает удивительный первый шаг в Своём служении. Она многого не понимает, но, не спрашивая ни о чём, радостно принимает волю Божию.»

Через свое смиренное соработничество Богу Богородица преисполнилась благодати. «Преисполненная Духом Святым, как плодовая маслина, она сделалась жилищем всякой добродетели, устранив ум от всякого житейского и плотского пожелания и таким образом сохранив девственную душу вместе с телом, как и приличествовало той, которая имела принять в недра свои Бога, ибо Он, будучи Святым, во святых почивает. Таким образом Богородица восходит к святости и является святым и удивительным храмом Бога Вышнего» (Иоанн Дамаскин, там же, IV, 14). Именно поэтому преподобный восклицает в своем славословии Деве: «**Освященный Храме, <...> Девственная Похвало** ...»

Обращение «**Раю Словесный**» требует отдельного разъяснения. Его смысл становится ясным из одного из тропарей канона Субботы Акафиста, в котором есть такие слова: «**...Одушевленный Раю, Древо посреде имущи жизни Господа, Егоже сладость оживотворяет верою причащающихся, и тли подклонившихся**». Как в Эдемском Раю произрастало Древо Жизни, так и Дева произрастила Христа-Жизнодавца, источающего всем нам Бессмертие. Почему Иоанн написал «Словесный», а не «Одушевленный»? «Словесный», по-гречески **λουκῆ**

означает одновременно и «разумный, рациональный, мыслящий», и буквально «словесный, связанный со словом» – в данном случае «со Словом». В отличие от Рая Эдемского, Богородица, выполняя свое поистине вселенское предназначение воплощения Слова Божия, не является какой-то искусственной конструкцией, теряющей всякий смысл вне своей основной функции. Она – живое, мыслящее, разумное существо со своей волей и суждениями. При всем космическом значении своей миссии Мария оставалась обычной девушкой, жизнь которой во многих отношениях ничем не отличалась от жизни множества женщин ее времени – имела свои мелкие радости и горести, заботы и тревоги. Она трудилась, посещала родственников, бывала на праздниках, повседневно заботилась о своем Божественном Сыне как любая другая мать.

Подобно евангельской притче о закваске (Мф 13, 33; Лк 13, 20-21) благодать, осенявшая Пречистую Деву, не оставалась только на Ней. Она изливалась и изливается на все вокруг. Как говорит об этом преподобный Иустин Попович, «она есть Мать Бога, а потому и Мать всего Божественного, всего святого, всего небесного, всего самого лучшего. Из всего лучшего Она – наилучшая, из всего святого – самая святая, из всего чистого – чистейшая, из всего досточудного – самая досточудная. Она есть самый совершенный образец всего совершеннейшего. Ведь если через Неё Бог вошел в мир, в человека, как тогда не войдет через Неё в человека всё Божие, всё небесное, всё бессмертное, всё вечное, всё блаженное?»

Это свойство благодати современным христианам лучше всего известно по высказываниям преподобного Серафима Саровского: «Стяжайте Духа Святаго» и «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи».

Теперь мы в полной мере можем понять смысл слов преподобного Иоанна «**О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь**

», особенно если вспомним, что в греческом языке «благодать» (

**χ
ἀ**

ρισ

) и «радость» (

χαρ

ἀ

) – однокоренные слова.

Святой Иустин заключает: «Пресвятая Богоматерь – «всей вселенной крепкое заступление». Первая истинная и нетленная радость вошла в мир через Её Богорождение, поэтому в Ней и благодаря Ей радуется всякая тварь и весь человеческий род».